

Л. В. Зубова

*Санкт-Петербургский гос. университет
(Россия, Санкт-Петербург)
l-zubova@yandex.ru*

ПОЭТИКА ДАВИДА ПАТАШИНСКОГО

В статье анализируется идиостиль Давида Паташинского, русского поэта, живущего в Америке. Внимание автора статьи сосредоточено на нескольких стилевых доминантах, связанных с отступлением от разнообразных норм современного русского литературного языка. Это фонетическая, семантическая и грамматическая деформация слов и форм, необычный синтаксис. Особенно интересны сдвиги в лексической семантике, вызванные метонимией, генитивными метафорами, фразеологической производностью образов, синестезией. Наиболее многочисленны у Паташинского грамматические аномалии. Они затрагивают почти все категории. В статье рассматриваются именной синкретизм, изменение рода существительных и разряда прилагательных, транзитивация непереходных глаголов, неузуальная возвратность глаголов, авторские деепричастия, творительный приадективный падеж в ограничительно-уточняющем значении, творительный приглагольный падеж, дательный падеж как средство олицетворения, беспредложное управление глаголов, сочетания с примыканием инфинитива к личной форме глагола. В конце статьи приводятся контексты, в которых многие языковые преобразования сконцентрированы. Идиостиль Д. Паташинского в значительной степени уникален, так как множественное преобразование языковых единиц в их взаимовлиянии, вызванное смысловой компрессией, охватывает все уровни языка, объединяет современный литературный язык с элементами диалектов и языковой архаикой. Слово- и формоупотребление в стихах этого автора нередко загадочно для читателя и вызывает лингвистический интерес.

Ключевые слова: неология, фонетика, семантика, грамматика, Паташинский.

В статье предлагается лингвистический взгляд на весьма необычную поэтику Давида Паташинского, автора пяти сборников стихотворений [Паташинский 2006; 2008а; 2008б; 2013; 2016]. Д. Паташинский родился в Москве в 1960 г., окончил Новосибирский электротехнический институт, с 1991 г. в эмиграции, сначала в Израиле, затем в США.

Поэзия Паташинского в большой степени интересна для понимания возможностей системы русского языка, не реализованных в норме и узусе. Нестандартные

явления имеются у него на всех языковых уровнях. В этой статье рассматриваются только доминирующие явления в поэтике этого автора.

1. Фонетическая деформация слов проявляется разными способами: альтернативным преобразованием бывших редуцированных гласных, например, *Воздух полон дымом слов, на глаголе под окном, / весь нервозен и небрит, чуть качается топор. / У него в глазах судьба. У него в кармане ключ. / Он не холоден, не жарк, только цветом побезжалк*¹ («Воздух полон дымом слов, на глаголе под окном...»); *Утренний ветер с кожи срывает воск. / Каска спасает голую кровь прическ* («Неистовые, но совестные шаги...»); *Друг любезный, тебя не люблю я, / говорил муравей муравею, / дело было в начале июля, / на удушливом сельском лугу* («Муравек»); изобразительными усечениями: *Каждое утро мы начинаем сначала. / Мы начинаем снача. Мы начина* («Каждое утро мы начинаем сначала...»). В некоторых стихах усечениями создаются грамматические неологизмы, например, краткая форма местоимения *такое*: *а утро светло тако, а облака над реко, / а сам не знаю what for, хотя она далеко* («сочельное»), фрагменты слов вступают в полисемантические отношения с другими словами: *Время такое, ходит вокруг да око, / около ходит, тряпки свои полощет* («Времени не хватает, заходит солнце...»).

2. В авторской лексике многочисленны неологизмы разных частей речи: *Я заболел, ко мне пришло болело / Такое колкое пристроилось в груди* («Я заболел, ко мне пришло болело...»), *шебуриши щекоти попрошайничай / только в душу чужую не лезь / по стволу забегает лишайничий / рвать листвы изумрудную лезть / у него в полосатом загаинике / малахитовые перстня / и другие лесные мордашники / чья судьба суетна и честна* («шебуриши щекоти попрошайничай...»); *А кто это там сидит на заборе / Ногу до крови себе рассандалил / Хохочет словно не чувствует боли / Только взгляд холоден и миндален* («собачка»); *Галчит и воробьит меня весна, а лето косит, камни замечая* («чужая память»). Среди адъективных неологизмов наиболее характерны для Паташинского прилагательные с заменами суффиксов: *Парусиновая ткань. Оловяновые кругли / тусклых пуговиц блестят, словно лунная роса* («Джамбли»); *а там луна такая девушка на ней алмазовое платье* («в ночное выходили дети и плакали в ночное солнце...») и *ты утешаешься чуткой овсяновой кашкой* («и фывы и пролджэ привычные разуму бисты...»).

3. Для поэтики Паташинского очень характерны семантические неологизмы, семантические архаизмы и другие сдвиги в лексической семантике при компрессии высказываний.

Расширение значения можно видеть в таких контекстах: *Утром в дом входит дух, говорит ох, / у него дым из ух, в голове плох, / у него вся семья в должниках, / как в жуках. // Он смотрит росой, плачет рукой босой, / подает пищу птицам и дуракам, / и разбегается злой лисой / таракан* («Утром в дом входит дух, говорит ох...») — расширение *босой* — ‘оголенный’; *Здравствуй, прохожий, вот*

¹ Странное слово *побезжалк* можно понять так: к краткой форме прилагательного *побезжал* (от **побезжалый* ‘стронутый с места, исчезающий’) добавлен суффикс -к, аналогичный суффиксу в словах *жалок, кроток, крепок*, но с утратой гласного [о], если за точку отсчета принять современный язык.

и тебе читака, / ты ее глазом пощупай, засунь за пояс, / **голосом пеший**, вечный беглец востока, / я о тебе больше не беспокоюсь («Времени не хватает, заходит солнце...») — расширение *пеший* — ‘тихий, медленный’; *Не прогоняй меня на улицу, / там ходят страшные пословицы, / там дождь с прохожими целуется, / и иглы елочные колются, // там бродят англиши и пряники, / **птенцы собак, котята ястребов*** («Не прогоняй меня на улицу...») — расширение *птенцы, котята* — ‘детеныши’.

В следующем примере помимо вполне употребительного в разговорном языке сдвига *хором* — ‘вместе’ можно наблюдать и оксюморон *в одиночку хором*. *Не говори хвой не отвечай хером / Достаточно нам хам приносит и Хаим / Лучшие **выпей со мной в одиночку хором** / Не смотри на них потому как нехай им* («Любозная эмалированная позволь мне...»). Впрочем, противоречие имеет свою логику при общении по скайпу или телефону. Расширение значения глагола *кивать* по отношению к современной норме словоупотребления представляет собой семантический архаизм: *Пью вино. На сердце виноградин / теплый шум, полночный разговор <...> и стекла прозрачные напевы / голову кивали **набекрень*** («вино /merlot/»); *Дышу, как волк, икаю над золой и **ручью киваю седину свою*** («о земле»). Обратим внимание на авторскую транзитивацию этого глагола.

Особый интерес представляет собой необычная метонимия: *держава превращается в дрезину / **повозку запряженную поклоном** / любовь ушла одетая в резину / ночь падает сверкающим зеленым* («полезен будь коломенский напиток...»); *Пуская красную, мы синего бежим, спаси-помилуй, бедное полено, / напрасно оказавшийся большим, все прятал взгляд, но **зрение болело*** («музыка о»). Часто встречается метонимический эпитет: *Открываясь солнцу, понимаем себя к утру. / Сотканные из травы и цветов, качаемся на ветру. / Ловим рыжих лисиц **за шелковую быстроту*** («прозрачные»); *Если увидишь ночной туман, / свет над столом включай, / усталые боги идут по домам / пить **осторожный чай*** («Если увидишь ночной туман...»); *Это что за люди злые, словно черви, лица длинные, / а ножи у них за поясом, напугать меня хотят, / где мои чудные, лунные, ночи пивные и винные, / где мои смешные воздушы, **меховой прыжок котят*** («Колдун»); *только волки **бегом серым** ускользают в самоволки, повстречаемся в лесу мы между пасмурных дерев* («Новое утро»).

Встречаются метонимические сравнения: *Вечер за окном остался, черноту свою стеля, / и **луна качалась вальсом, пьяная, как три рубля*** («Свет бездонный, свет бездонный, что ты смотришь мне в лицо») — метонимия основана на том, что в прошлом бутылка водки стоила три рубля. Иногда компрессия образа объединяет метонимию эпитета и сравнения: ***грецкие складки мозга сожмешь ушами*** («выйдешь наружу хлеба купить на ужин...»).

Семантическая неология в тропеической системе Паташинского часто бывает фразеологически производна, например, в перифразах: *Люди своей войны, мы поем цитаты, / произнося добро, **серебро молчим*** («гном с огнем»); *Гостинец положи в колючие побеги / что **золота молчат**, живые, как ножи, / неистойвой души мечтою о победе, / следы твоих волчат теряются во ржи* («Я рядом проходил, но

зеркала не тронул...»), ср.: слово серебро, а молчанье — золото; У меня на сердце камень, у меня **в глазах петух** / огненными каблуками пляшет утренний тук-тук («месяц»), ср.: глаза горят; огонь в глазах; Ни звезды, только **зги густые** жгут кусты обозленных молний («Этой ночью увидишь мало...»), ср.: ни зги не видно + густая тьма; Говорил, но все пропало, время первой папиросы, / тетива пустая пела песню о стреле, / тень, как кот, бежит со стула, **взгляда медленные осы**, / догорела, догорела, прямо на столе («Говорил, она молчала, ночь лежала между ними...»), ср.: жалящий взгляд. Фразеологична и производность некоторых неперифрастических сравнений: осенью **стерня терпкая как воля** / помнил но забыл знал но не хотел / **клавиша горит зеленой бемоля** / будет у меня новый коростел («эхо между стен голоса звенит...»), ср.: тоска зеленая.

К семантическим сдвигам приводят и генитивные метафоры-сравнения: мне неведомо гулялось между **соболя берез** («сольфеджио»); Возьму тебя за **хрен косы твоей протяжной** / Проси, но не балуй, а то загоношу («Любовь»); Иногда мне становится так душно, / что становится страшно. // Тогда беру тетрадь. Ухожу в угол. // Кафель и никель. **Куклы пустых бутылок** («Гулкий филин, обозначивая соседство...»); Уйдем, как водится, по краешку, **на цаплях изумленных ног** («Лесная просека ресницами печальных сосен по краям...»); Вечером и небо глубже, воздух чище, звезды ближе, / улыбаются глаголы, словно голые ладони, / за окном **луны баллада**, за окном все тише, тише, / бьется бабочка в плафоне, бьется бабочка в плафоне («Вечером виолончели ничего не замечали...»); если пальцами взять неподвижной щепотью / **озноб тетивы** то стрела ускользнет в полнолуние («тарбарит и прочь убегает...»).

Во многих текстах семантические сдвиги обусловлены синестезией: но вот выходит ланселот рука в мошине **глаза картавят** / в его чудовищной октаве хранится много дивных злот («гуманистические чистки а ты попала в активистки...»); В пяти словах звезда и голоса, **чиста на слух остывшая роса** («чужая память»); Теряя **звон своих очей**, не обрести чужую волю / Соленый день давно прошел. Сон тяжелее топора («Меня Америка простила, что не любил ее страну...»); мне жить еще тринадцать дюжин просторных алых голубей, / мне петь еще, взвизгивать визгом над одурением столетий, / **шептать сквозь листья голос узкий**, бродить по крышам босиком («прощальное»); Зимнее небо бывает теплей овчины. / Звезды поют **колючими голосами**. / Так и живем, прямо под парусами, / пряча души остаток в тепле брючины («записки с юга»).

4. Наиболее многочисленны у Паташинского грамматические аномалии. Они затрагивают почти все категории. Доминантами грамматической неологии можно считать явления, примеры которых приводятся ниже.

а) Именной синкретизм проявляется производностью авторских существительных от прилагательных: Хлебушка краюху мне, черной сладости огней / над летящей в ночь рекой, я и сам еще такой. / Молока, что **солнца желт** разливает цвет парной. / Что ты чертик, что божок, ты сегодня не за мной («Хлебушка краюху мне, черной сладости огней...»); Бумага стерпит и не то. Позор забудется под утро. / Заснет, согнувшись у стола, печальный кукольник забав. / Сложилось

в землю шапито. Луна, забытая, как кукла, / плеснет **хрустального светла**, дорогу солнцу угадав («Бумага стерпит, люди — нет. Еды осталось на неделю...»); Пока пишу я, оживаю, меня танцует Саломея, / ее **светла сторожевая**, еще, еще как я умею, / но вот сегодня не могу («Пока пишу я, оживаю, меня танцует Саломея...»); подарю тебе солнце и звезды / и старый сундук / где хранится **прекрасное поздно** / и золотое вдруг («мое дорогое»); облака, погода, водки лихо, друг не откликается **на тихо**, / а семья угадывает масть перед тебя как к вымени припасть («облака прозрели глаукому, синее идет по голубому...»).

На полпути от прилагательных к существительным находятся случаи эллипсиса словосочетаний с устранением легко подразумеваемого существительного по словообразовательной модели *столовая комната* → *столовая* (это морфологосинтаксический способ словообразования). У Д. Паташинского с его повышенной компрессией речи встречается много примеров включения лексического, а затем и грамматического значения определяемого существительного в само определение-прилагательное, которое в результате субстантивируется: *Только морду не криви, если **острый в рукаве**. / Ночь играет в голове. На душе одна слюна* («Пальцы лапают ключа. Догорит твоя свеча...»); *песьи ловкие прыжки / на рассвете осторожны / море за полночь бело / ешь пустые пирожки / если время так творожно / **пей прозрачную** назло // так безумно напевал / **выкатив свои крутые** / до краев до козырька / ты придешь на сеновал / полюбить того батья / моя русская тоска?* («песьи ловкие прыжки...»); *На черноземе пахота горит, и тракторишка тащится пластунским, у бригадира **верное** болит, он навсегда останется под Курском* («о земле»); *Наливай мне **колодезной лакомой** / чтобы сердце спокойно брело / чтобы профиль смешной вурдалака мой / как любимых под утро свело* («Принеси мне краюшку хрустящую...»).

б) Часто встречаются краткие формы относительных прилагательных: *мир состоял из математики, тетради в клетку, деревянных пеналов, косиц, значков, / и цветы назывались лютики, и адрес был **единственнен и почтов*** («Я еще помню, как придумывали пластмассу, и автомобили ездили кое-как...»); *не подойдет, руки не тронет, / она тебе, конечно, рада, / но вдалеке и серых кошек / **глаза ночны*** («Мой обруч медный закатился...»); *Наливай мне, метелица, голубые снега, / если сердцу не терпится достучаться туда. // И лиловые мальчики, чья весна **углова**, / на дороге, где начаты, но забыты слова* («Небо ливнем расколото, сердцем воду лови...»); *Бежит вода, незримое верстая, торопит солнце грозовую муть, / история, поверите, простая, летишь, и никуда не отвернуть, / **бетонен лоб, гранитны рукавицы**, солдата тень на ветреном плацу, / в пустых слеза старается налиться, но пыль бежит по страшному лицу* («Бежит вода, незримое верстая...»); *День за окном безоблачно неподвижен. / Вдоль дороги штили домов **литовски**. / Цветы и пчелы. Ты далеко чертовски. / На столе кровавые кости вишен* («Пчелы»); *Пьет Пьеро, молит своих мальвин, мельник мелет свою муку, / головой бел, душой **львин**, что останется старику* («Ты была у меня одна, я другой у тебя совсем...»).

в) У притяжательных прилагательных иногда устраняется йот: *И целина под ногами светлее рубля / Между стогами до дна **выкипает** земля / На сеновале все*

ночи волшебнo **лебяжи** / *Вспомню тебя же* («Ты не поверишь, но жизни настала цена...»); *Вот и ты пришла ко мне в голову. Оранжевые цветы. / Тяжелые ткани неба. Деревья удушливой воскоты. / Острые улыбки **собачих** женицин, их **кошачих** детей. / Ты еще не знаешь, насколько каждый сам себе Прометей* («вы»).

г) Изменяется род существительных: *Месть такая, заколоть. А потом простить беднягу. / Восвоюсь его тяжел. Булава его светла. / Обаятельная плоть поместилась на бумагу. / **Лошадь твой** давно ушел безнадежного седла* («Пентюх посуху идет. Алкоголик пиво гладит...»); *Читай **свой** книг, пиши газету, дыши обуглена сукна. / Твоя страна, хмельной Мазепа, другому другу суждена* («Меня Россия наказала, любя, как маленького, в шею...»); *Как **долгая** плачь несется терпящей вод реки. / Как медленно узнается, что мы уже старики* («Забвение»); ***Маленький** лягушечко, глазки, лапки, леденец, / лужица, свирелица, солнечная впадина, / у холма орешника нынче не допросишься, / озеро обиделось, небо плачет звездами* («Маленький лягушечко, глазки, лапки, леденец...»); *Кормись у тела, / поись у света, / живись, как это, / а как хотела, / тряси, не думай, / гуляй, не падай, / и толстосумой / усохни **гадой*** («Кормись у тела...»). Перемена рода может быть способом и результатом превращения конкретного существительного в собирательное: *побудь со мной все остальное блохи / заря роса и **утренняя** шмель / настанет май последствия неплохи / скрипит корабль заползая мель* («побудь со мной все остальное блохи...»).

д) Очень широк репертуар транзитивации непереходных глаголов: *Мне мало рта **дышать твою** тюрьму, / где воздуха медлительная вакса* («Вели меня поднять над мостовой...»); *Свет бездонный, свет бездомный, что ты смотришь мне в лицо, / что ты песню мне заводишь, опечалить, верно, хочешь, / **что ты люльку мне тоскуешь**, где малюточка лежит, / плачет, плачет, спать не хочет, спать не хочет никогда* («Свет бездонный, свет бездомный, что ты смотришь мне в лицо...»); *Здравствуй, ворон, чернь историй, угли тлеющего дня. <...> Рукопись горит картоном, как растопка самадхи, / **не кружи над нашим домом треугольные стихи*** («Ворон»); *несчастливых мальчиков чумей², постыдным помыслом честна, / война пришла, другой сильнее, а говорили, что весна* («Поговори со мной, служивый, садись напротив, закури...»); *На лихолетье лес болезный **глазает нас** хмельной листвой* («утренний drive»); *Будет вам телеги дергать, **лошадей зерном клевать**, / между тем, да между этим, дайте малому кровать* («Сольфеджио»).

Особенно часто становится переходным глагол *плакать*: *Забывай меня скорей, заколи меня копьем, / зацелуй, как мужика, чтобы полем уходил. / Не бросай меня в костер, не бери меня навзрыд. / Только пой мне Таганрог, только **плачь мне Таганрог*** («Мне накошенной травы, изумрудного литья...»).

Объектом действия *плакать* может быть не только то, что оплакивают, но и сами слезы, в этом случае *плакать* приблизительно означает ‘выплакивать’: *Мой*

² Ср.: *День стоял о пяти головах и, чумей от пляса, / Ехала конная, пешая, шла чернойверхая масса: / Расширеньем аорты могущества в белых ногах, — нет, в ножках / Глаз превращался в хвойное мясо* (О. Мандельштам. «День стоял о пяти головах...»).

троллейбус в поле скачет, **плачет слезы** электричи, / так по-птичи, незабвенно, хоть ты вены наточи. / Вот ключи моей утраты, дна славного Руматы. / Вот и я ушел в солдаты. Но об этом промолчи («Да-да-да»); **дети плакали слезки хрустальны**, / что звенели на черном асфальте, / где тяжелую бомбу припас / их учитель по горному сальто, / крокодил, мойдодыр, барабас («На марше»).

Проявлением плача могут быть не только слезы, но и звук: *Подходишь к нему, **собака поет муму, плачет вой**, луны поминая рай* («капитан мой капитан»); *Мы оставлены на потом, / мы потом своим умываем руки, / мы ползем кротом, мы целуем ртом, / **мы плачем осторожные звуки*** («читалка»).

Глагол *плакать* может становиться переходным и при метафорическом употреблении (*плакать* — ‘выделять слезы’ → ‘выделять другую жидкость’, например, слюну, росу): *Меня Америка простила, что не любил ее страну, / свистела огненная сила, **таперы плакали слюну*** («Меня Америка простила, что не любил ее страну...»).

Возможным оказывается и более широкое значение *плакать* — ‘ронять’: *Каких мне **плакали стрекоз** дождя стеклянные травины / и поезд мчался под откос, держа вагоны за штаны / гуляли по полю чудес остроголовые графины, / и в глотке бился мелкий бес, и мы с тобой исключены* («Каких мне плакали стрекозы дождя стеклянные травины...»). Вероятно, в этом случае существенно, что стрекозы прозрачны.

Объект плача может быть выражен и абстрактным существительным: *Малый мой, дружечка, мальшок, / не спи, не мерзни, **обиды не плачь**, кумач, / слезки втягиваются в песок, / лошади гонят вскачь* («мальчишке»).

е) В области залога широко представлена неузальная возвратность глаголов: *Колдуну нужна жена, он устал так жить, один, <...> рот раскрыт хрипит молчу, волчьи паузы поет, / все идет не почему, наоборот наперед, / безобратно пред-назад, **происходит** само* («Колдун»); *то у них дождь понимаешь как мальчик ссытся / то потеплеет так что висишь разбитый / в толстой петле глагола³ а где **висеться** // дал бы вам всем наотмашь а может стать / и улетел бы как мерзкая злая птица / дергая мышцей где раньше сердце* («этой весне быть бы как суке плоской...»); *Кормись у тела, / поись у света, / **живись**⁴, как это, / а как хотела, / тряси, не думай, / гуляй, не падай, / и толстосумой / усохни гадой* («Кормись у тела...»). Такие грамматические неологизмы основаны на базе синонимии однокоренных невозвратных и возвратных глаголов типа *хвастать* — *хвастаться*, *стучать* — *стучаться*, *белеть* — *белеться*.

³ Здесь глагол — ‘виселица’.

⁴ Поиски форм *живусь*, *живешься*, *живемся* в интернете показали, что этот глагол весьма распространен в разговорной речи: Я в Питере **живусь**, тут что-то совсем не стало пьяных...; Жаль только мы **живёмся** далековато друг друга; Не муж, мы не женаты, просто вместе **живёмся** и др. Формы *живусь* и *живешься* есть и в переписке К. Г. Паустовского: Валюха-муха, как-то ты там одна **живешься**? Послал тебе телеграмму и открытку. <...> **Живусь** я в той комнате, где мы жили со Звэрүней [Паустовский 1945]. В Национальном корпусе русского языка такие формы отсутствуют.

Н. А. Янко-Триницкая, подробно анализируя семантику членов таких пар, отмечала, что возвратные глаголы в них «не имеют единого словообразовательного значения, не создают никаких словообразовательных образцов и их отношения к производящим невозвратным глаголам можно определять только для каждого отдельно взятого глагола. В результате этого здесь возможны, особенно в индивидуальном употреблении, возвратные и невозвратные синонимы семантического и стилистического характера, которые настолько своеобразны и нерегулярны, что не поддаются классификации, а иногда и регламентации» [Янко-Триницкая 1961: 81]. Приведенные примеры показывают, что Паташинский легко игнорирует лексическую закрепленность глаголов, вступающих в подобные синонимические отношения.

ж) При образовании деепричастий игнорируются нормативные ограничения: *Маленький бедный пацанчик, катится твой колобок, / горница светом сметется, сонными пальцами **бья*** («детская музыка»). Часто встречаются необычные деепричастия: *Продолжается вся, продолжаться и нам, неуклюжим, / семена головы **разбросая** по гулкой земле, / жизнь проходит, **босся**, заводными слонами по джсам, / суждена на увы, и роса на траве, и Пеле* («романс»).

Иногда образуются неожиданные деепричастия от общеупотребительных глаголов: *дождь нынешней ночью сыпал не уставая / волглыми лапами горло дороги **мая** / что ты молчишь живая и неживая / голос твой легче лая* («голосом что замечал живую...»); *и акаций лаская рукой запоздало-шутливой, / ты словаешь **молчя**, говоря* глухие сказы, / *Бонифация стая покой обуздаловой сливой, / словно шаеи свеча, на моря, и стихия слезы* («романс»); *Мои юаи пьют, корабли сосут голубой спирт, / **пल्या** последнюю лью, небесный сосуд спит, / своя заводья врет, но аршин мер / ломал лед в стакане твоём, шумер* («история»).

5. В синтаксисе очень часто встречаются архаические и диалектные явления:

а) Объектный генитив неодушевленных существительных: *Заходя в свой гардероб, тятя голову ломал, / что такое свет европ, италийские масла, / почему ты принесла торопливый тонкий троп, / если римский трибунал **знал счастливого числа*** («шахматы»); *Чемоданов не собрав, разбираешь длинные / книги без названия, глупые Калигулы / **жгут душистых горьких трав**, залепля глинами / алье заклания, римские каникулы* («Человек ты мой больной, ты больной, мой человек...»); *Барашка волн кнуты пороли, **подозревая новых краж**, / его оставят на второе, решил голодный экипаж* («вечерняя рыба»); *Мы знаем верные приметы, когда расцветы не в цене, / когда кричишь, а крика нету, но есть рисунок на стене, / когда летишь, и сон хрустелен, и короток, как я привык, / он ускользнет, **минуя спален**, где мы останемся в живых* («Пока пишу я, оживаю, меня танцует Саломея...»); *Не знаем сами за слезами, **кто писем наших пролистал**, / когда жестокими отцами соразмеряли пьедестал* («Зима несчастная пришла хрустящим утром в тонком насте...»); ***Пальцы лапают ключа**. Догорит твоя свеча. / Две девицы под окном как медовые цвели* («Пальцы лапают ключа. Догорит твоя свеча...»); *Они живут по ночам, они читают сучар, / **они печатают книг**, что было гадко из них* («сочельное...»); *Скрипит во мне тишина, слова цедить голодна. / Рассвет, но снова закат,*

когда он сам виноват. / Река и снова клюка, когда мне ровно идти. / Когда **порвали смычка** на позабудь, да прости («сочельное...»); Честнее рассказанных слов размолоть чепуху, / **корней и ветвей раздвигая** рукой раскаленной, / неси свою сеть, улови судака на слуху, / небесную смерть подпирая зеленой колонной («Приходят за деньги, но нет никого у стола...»); **Клей конверта языком**, и письмо готово («сердце — ловкий охотник»).

Такое употребление родительного падежа напоминает о древнерусском и диалектном объектном генитиве, описанном А. В. Мальшевой [Мальшева 2014].

б) Творительный приадективный падеж в ограничительно-уточняющем значении тоже архаичен⁵: *У этой жизни жизни нету, а остальное поищи, / не доверяя амулету, бегут по золоту клещи, / рокошет каменная глотка, во всем привычка околотка / забрать и пользоваться до дна, а ты глазами холодна* («У этой жизни нет сюжета, греми, жестяная манжета...»); *Так ты была последней у меня, / улыбкой грустная, печалью молодая* («в тишине»); *Быстрая птица светла новостями, / в черный хомут заряжая каре, / ловкие лицами филистимляне / стену сомнут на вечерней заре* («Быстрая птица на облаке толстом...»); *Плывет бобер, квадратный низом. Горит дорический костер* («Глазами небо обнаружив, хотел найти его стога...»).

в) К этой группе примеров примыкает и творительный приглагольный, причем глаголы со значением становления признака имеют адъективную производящую основу: *Перед сном что-то себе шепча, / разбирая штуки воздушной ткани, / зимнее солнце пробует первача, / счастье горит в голубом стакане. / Страстные твари гоняют тугой канкан, / крылья дрожат, клювы слюной немеют, / небо течет молоком по твоим рукам, / и за окном темнеет* («Ранний вечер»); *Вот и ясно стало, милый, что не пользовал таких, / море было по кормило, ветер тополом затих* («Свет бездонный, свет бездомный, что ты смотришь мне в лицо...»); *вот и ухаб а вот / яма совсем, дружок, / скорбные паруса, / вербные небеса, / скарб без тебя живет, / солнце других сожжет, / может пора в забой / окна молчат слюдой* («наверное он не прав...»).

Эти образы можно объяснить компрессией высказывания: *клювы слюной немеют* — ‘птицы не могут произносить звуки, потому что их клювы наполнены

⁵ Ср. у И. А. Крылова *Мартышка к старости слаба глазами стала*. В пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич» содержится реплика Ивана Грозного, обращенная к режиссеру Якину: *Как же ее не любить? Боярыня красотю лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союзна, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!* Лексика и синтаксис этой реплики частично заимствованы из описания царевны Ксении Годуновой князем И. М. Катыревым-Ростовским (XVII век): *Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица суци, отроковица чюдного домышления, зеленою красотю лепа, бела вельми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны велики, светлостию блистаея; когда же в жалобе слезы изо очю испущае, тогда наипаче светлостию блистаху зеленою; бровьми союзна, телом изобильна, млечною белостию облянна; возрастом ни высока ни ниска; власы имея черны, велики, аки трубы, по плещам лежаху* [Катырев-Ростовский 1908]. Н. Ю. Шведова приводит и вполне современные примеры ограничительно-уточняющего употребления творительного падежа с глаголами, прилагательными, существительными и наречиями: *родиться счастливым, крестьянин происхождением, богатый воображением, наружку мехом* [Шведова 1980: 14].

слюной и не открываются»; *ветер тополем затих* — ‘ветер затих, и мы это видим, потому что тополь перестал качаться’. В строке *окна молчат слюдой* молчание синестетически связано со слабой видимостью.

г) Предмет как субъект действия или состояния олицетворяется дательным падежом адресата «я»: *Мне бокал уткнулся лбом вечерним*, / *отражая полосы дождя* («вино /merlot/»); *Нет, мне дышать не удастся*, / *мне в горле кролик черный бьется*, / *мне солнце черное висит*, / *мне ветка черная дрожит* («Нет, мне дышать не удастся...»).

д) Беспредложное управление напоминает одну из особенностей древнерусского синтаксиса: *Приходи мне вечером*, *милая метелица*, / *в теле вся отличная, черная, но страшная*. / *Мне тепло не нравится*, *бронза мне прозрачная* / *направляет голову, убивает смолоду* («Разбежались в холоде золотые санки...»); *Река сбегала берегов*. *Какой сегодня день? Вчерашний* («Глазами небо обнаружив, хотел найти его стога...»); *Да, свет действительно просто летит тоски*, / *остальное, как правило, и вообще бессмертно* («последний эклектик»); *хрипит собака поколений, прольются пепси, холодны*, / *вставая каменных коленей, бредут больные валуны* («поговорка»); *Контора зла, мортира весела, мой дом юла, мои слова скрижали*, / *сижу стола, сверкают зеркала, и ты звала, но руки задрожали* («машинка стихов»); *страна готова новым вехам*, *гуляет плуг по головам*, / *а ты остался человеком, неутомимый хитрован* («Поговори со мной, служивый, садись напротив, закури...»).

е) Сочетания с примыканием инфинитива к личной форме глагола, напротив, отражает новое синтаксическое явление: *Подходишь к нему, ветер простыл дуть*, / *фатер простил жить*, *истово повторять* / *не по уму, снежная пляшет муть, гном бежит, глазки его горят* («капитан мой капитан»); *Горят поля, и егеря идут толпой на каланчу*, / *встает невытая заря, я говорю себя молчу* («Холода»); *а останемся остаться*, *ни царевны не возьму я*, / *ни разграбленного царства, получите развесную* («Пели песни, подавали по ухабам голосами...»); *я люблю тебя боюсь, слишком старый, слишком старый*, / *крюк в носу такой железный, нож в боку такой холодный*, / *ты приходишь близко так, страшно думать, очень близко*, / *умираю, умираю, кровь залила башмаки* // *я простить тебя смеюсь, говорить тебя стремаюсь*, / *головы подсолнухов осенью рублю и плачу*, / *потому что жалко их, головы подсолнухов, / золотые, золотые, падают на землю* // *я забыть тебя прощу, утонуть тебя завою*, / *разобрать тебя на части медные и страшные*, / *чтобы утром пастухи выводили стадо в поле, / где оранжевое счастье, где оранжевое счастье* («песенка для дианы»).

Об активизации инфинитива как новом явлении русской грамматики пишет И. Б. Левонтина: «В последние не менее 10 лет или даже 15 появилась и активно используется (в основном в молодежном сленге) новая конструкция: *Достал ныть!*; *Они достали уже травить его! достала писать!* <...> ср. другие инфинитивные конструкции *Ты рехнулся туда ходить*; *Ты с ума сошел с ним спорить*; *У меня нога болит по лестницам ходить*» [Левонтина 2017: 59].

Характерно, что в поэзии Паташинского многие языковые преобразования сконцентрированы в контекстах, на что указывают следующие два примера: *Руки сводит*

тоской. **Жизнь у меня какой, / оказывается, непростой.** Закричу. / **Мальеньким жестом покажу кулак.** / Устану, сам окажусь дурак. // Не умею, но и не пытаюсь понять, / **бить не бить, ремня тебе не ремнять.** / Тоска, руки сводит и подносит к вискам. / Много стран, но ни в одной не **странн.** <...> Горе мне, **меня нельзя зимовать.** / Плюшевый не поддается малине бок. / Мне нужна единственная, но чтобы ее не звать, / **приготовлю детский, самый детский совок,** / происхождения чтобы не угадать. Вода тебе **не водать.** / **Плестит,** поблескивает. Вот тебе, мать. / **Поблескивает, как никогда** («лирика»); **Гертруда ты моя седая,** / зачем ты плачешь у костра? / **Слепая ножница остра,** / тугое горло **угадая.** // **Гертруда, сталь твоя щедра,** / а уголь колок и **лукавен.** / Ты птиц целуешь из-за ставен / **ртом остро-рожного ядра.** // **Гертруда, милая, чудная,** / зачем ты песню мне поешь? / **Теперь, наверное,** умрешь. / **Хотя наверное не знаю** («Гертруда ты моя седая...»).

Объем статьи не позволяет комментировать каждое из необычных языковых явлений в этих и других примерах, но необходимо обратить внимание на то, что многие контексты предоставляют возможность альтернативного прочтения: **голом пеший,** вечный беглец востока (не быстрый в своей речи? с низким голосом?); **Рука у груди — самое лучшее средство,** / если неровно **колотит сердце** / с той стороны стеклянной клетушки (глагол можно понимать и как личный, и как безличный); **Яблоку некуда падать** <...> **стоя заснуло, устало** (слово *устало* — и глагол, и краткое прилагательное); **Руки сводит тоской. Жизнь у меня какой, / оказывается, непростой** (слово *жизнь* — мужского рода, если местоимение *какой* понимать как форму именительного падежа, особенно в ритмическом единстве строки, и женского, если это местоимение творительного падежа в синтаксическом единстве предложения). Иногда Паташинский сопоставляет современное и архаическое значение слова: **Теперь, наверное, умрешь.** / **Хотя наверное не знаю.**

Подводя итоги, можно сказать, что идиостиль Д. Паташинского в значительной степени уникален, так как множественное преобразование языковых единиц в их взаимовлиянии, вызванное смысловой компрессией, охватывает все уровни языка, объединяет современный литературный язык с элементами диалектов и языковой архаикой. Слово- и формоупотребление в поэтике этого автора нередко загадочно для читателя и вызывает лингвистический интерес.

Литература

Катырев-Ростовский И. М. Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго. СПб.: Изд. Археологической комиссии, 1908. 154 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://booksee.org/book/761635> (дата обращения 30.10.2021).

Левонтина И. Б. Новое в «маргинальном» синтаксисе: *Мама достала орать и уборкой* // Маргиналии-2017: границы культуры и текста. Тезисы докладов. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017. С. 59.

Мальшева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. III. Диалектология / Отв. ред. выпуска Л. Л. Касаткин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. С. 120–144.

Паташинский Д. Немного цвета. СПб.: Пушкинский фонд, 2006. 104 с.

Паташинский Д. Рассвет перед сном. М.: Водолей Publishers, 2008а. 104 с.

Паташинский Д. Случайная почта. М.: Водолей Publishers, 2008б. 456 с.

Паташинский Д. Читай меня по губам. М.: Русский Гулливер, 2013. 145 с.

Паташинский Д. Одиночество это такая комната. М.: ТГ «Иван-чай», 2016. 220 с.

Паустовский К. Г. Письмо В. В. Навашиной-Паустовской 30.09.1945 [Электронный ресурс]. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/family/valeriya-valishevskaya.htm> (дата обращения 10.05.2021).

Шведова Н. Ю. Беспредложное падежное примыкание // Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 717 с.

Янко-Триницкая Н. А. Синонимические глаголы типа *белеть* — *белеться*, *хвастать* — *хвастаться* // Вопросы культуры речи. Вып. III. М.: Наука, 1961. С. 60–81.

L. V. Zubova

St. Petersburg State University

(Russia, Saint-Petersburg)

l-zubova@yandex.ru

POETICS OF DAVID PATASHINSKY

The article analyzes the neology of David Patashinsky, a Russian poet living in America. The attention of the author of the article is focused on several stylistic dominants associated with the deviation from a variety of norms of the modern Russian literary language. These are phonetic, semantic and grammatical deformation of words and forms, non-standard syntax. Particularly interesting are the shifts in lexical semantics caused by metonymy, genitive metaphors, phraseological derivation of images, and synaesthesia. The most numerous in Patashinsky's texts are grammatical anomalies. They affect almost all semantic and grammatical categories. The article examines nominal syncretism, changes in the gender of nouns and the class of adjectives, the transitivity of non-transitive verbs, non-normative reflexivity of verbs, unusual participles, the instrumental adjectival case in the restrictive-explanatory sense, the instrumental case attached to the verb, the dative case as a means of personification, the adverbial government of verbs, constructions with the infinitive adjoining a personal verb form. At the end of the article, some contexts are given in which many linguistic transformations are concentrated. The idiosyncrasy of D. Patashinsky is largely unique, because the multiple transformations of linguistic units in their mutual influence, caused by semantic compression, cover all levels of language and unite modern literary language with elements of dialects and linguistic archaicism. Word and form usage in this author's poetics is often mysterious to the reader and arouses linguistic interest.

Key words: neology, phonetics, semantics, grammar, David Patashinsky.

References

Katyrev-Rostovskii I. M. *Povest' knyazyva Ivana Mikhailovicha Katyreva-Rostovskago* [The Tale of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky]. St. Petersburg: Ed. of the Archaeological Commission, 1908. 154 p. (In Russ.). Available at: URL: <https://booksee.org/book/761635> (accessed 30.10.2021).

Levontina I. B. Novoe v “marginal’nom” sintaksise: Mama dostala orat’ i uborkoi [New in “marginal” syntax: Mama dostala orat’ i uborkoi]. *Marginalii-2017: granitsy kul’tury i teksta. Tezisy dokladov* [Marginalia-2017: The boundaries of culture and text. Abstracts]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017, p. 59. (In Russ.)

Malysheva A. V. Ob’ektnyi genitiv v russkikh letopisyakh i sovremennykh govorakh [Object genitive in the Russian annals and modern dialects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. III. Dialektologiya* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. III. Dialectology]. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 120–144. (In Russ.)

Patashinskii D. *Nemnogo tsveta*. [A bit of color]. St. Petersburg, Pushkinskii Fond Publ., 2006. 104 p.

Patashinskii D. *Odinchestvo eto takaya komnata*. [Loneliness is such a room]. Moscow, TG Ivan-chai Publ., 2016. 220 p.

Patashinskii D. *Rassvet pered snom*. [Dawn before sleep]. Moscow, Vodolei Publ., 2008a. 104 p.

Patashinskii D. *Sluchainaya pochta*. [Random mail]. Moscow, Vodolei Publ., 2008b. 456 p.

Patashinskii D. *Chitai menya po губам*. [Read my lips]. Moscow, Russkii Gulliver Publ., 2013. 145 p.

Paustovskii K. G. *Pis'mo V. V. Navashinnoi-Paustovskoi 30.09.1945* [Letter to V. V. Navashina-Paustovskaya]. (In Russ.). Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/family/valeriya-valishevskaya.htm/> (accessed 10.05.2021).

Shvedova N. Yu. *Bespredlozhnoe padezhnoe primykanie* [Nonprepositional case adjunction]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. 2. Syntax. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

Yanko-Trinitetskaya N. A. [Synonymous verbs of the type belet’ — belet’sya, khvastat’ — khvastat’sya]. *Voprosy kul’tury rechi*, issue III. Moscow, Nauka Publ., 1961, pp. 60–81. (In Russ.)